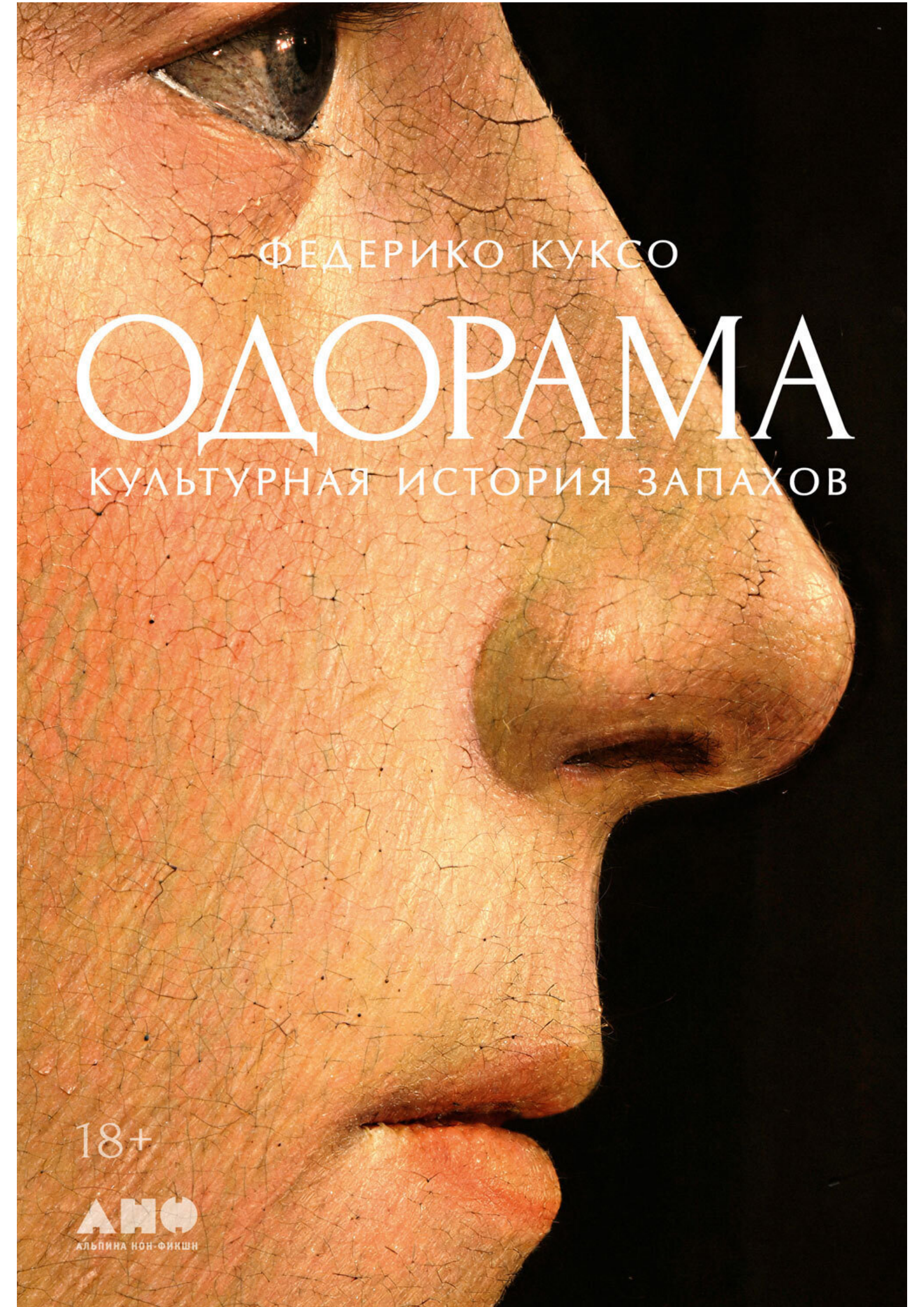

A detailed, close-up photograph of a human nose and the surrounding skin. The skin is highly textured, showing numerous fine cracks and creases, giving it a leather-like appearance. The lighting is warm, highlighting the contours of the nose and the intricate details of the skin. The background is dark, making the skin's texture stand out.

ФЕДЕРИКО КУКСО

ОДОРАМА

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАХОВ

18+

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Федерико Куксо

**Одорама: Культурная
история запахов**

«Альпина Диджитал»

2019

УДК 665+612.825.56
ББК 35.68:88.23

Куксо Ф.

Одорама: Культурная история запахов / Ф. Куксо — «Альпина Диджитал», 2019

ISBN 978-5-00-272200-6

Научный журналист Федерико Куксо взялся реабилитировать самое недооцененное чувство – обоняние. Его книга – настоящая машина времени, воскрешающая множество утраченных навсегда обонятельных воспоминаний: от смрада неандертальских пещер до ароматов Древнего Египта, от запахов римских оргий до миазмов чумной Европы, от зловония Версаля до благоухания дезодорированных офисов, где разрабатываются стратегии ольфакторного маркетинга. Чем пахла Луна для первых астронавтов? Почему в языках так мало слов, описывающих запахи? Правда ли, что любые запахи могут быть созданы искусственно? Зачем мы пытаемся менять, замалчивать и даже репрессировать естественные запахи наших тел? Читатель, не утративший способности держать нос по ветру, несомненно, учует главную мысль автора: цивилизация – это не только идеи, вой ны и технологии, но и, в очень значительной степени, запахи. Ведь именно обоняние – та скрытая нервная система, которая управляет нашей памятью, страхом, волей к власти и желанием.

УДК 665+612.825.56
ББК 35.68:88.23

ISBN 978-5-00-272200-6

© Куксо Ф., 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Введение	10
I	16
Первые запахи	16
Чем пахли динозавры	18
Запах далеких предков	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Федерико Куксо

Одорама: Культурная история запахов

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Переводчик: *Инна Новосадская*

Научный редактор: *Станислав Мереминский, канд. ист. наук*

Редактор: *Лев Данилкин*

Издатель: *Павел Подкосов*

Руководитель проекта: *Мария Ведюшкина*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Корректоры: *Мария Павлушкина, Юлия Сысоева*

Верстка: *Ольга Макаренко*

© Federico Kukso, 2019

© Penguin Random House Grupo Editorial S. A., 2019

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

* * *

ФЕДЕРИКО КУКСО

ОДОРАМА

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАХОВ

АНО
альпина нон-фикшн

Москва, 2026

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому

другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пабло,
благоухающему

Olfacio ergo cogito.
(Я нюхаю, следовательно, мыслю.)

**УИЛФРИД ЛЕ ГРО КЛАРК,
БРИТАНСКИЙ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГ**

Историю науки часто изображают как широкий бульвар, ведущий от невежества напрямик к истине, – но это не так. Это лабиринт без выхода, в котором мысль плутает и путается. Коллекция сокрушительных неудач, иногда забавных.

ПАТРИК ДЕВИЛЬ. ЧУМА И ХОЛЕРА

Очень много было сказано о запахах, но нам все еще нужна их отдельная история.

**БЕРНАРДИНО РАМАЦЦИНИ,
ИТАЛЬЯНСКИЙ ВРАЧ XVII ВЕКА**

Сколько историков донесли до нас запах предыдущих обществ? Исследователи были слишком молчаливы, их, похоже, отталкивает современная гигиеническая чувствительность даже от созерцания зловония прошлого.

РОЙ ПОРТЕР, ИСТОРИК МЕДИЦИНЫ

Позабудется алфавит обоняния, – а из его букв состояли вокабулы бесценного лексического запаса, – и запахи сделаются безымянными, безгласными, неузнаваемыми¹.

ИТАЛО КАЛЬВИНО. ИМЯ, НОС

Было бы ужасно, если бы предметы не имели запаха.
Они бы не были реальны.

**АДРИАН СТОУКС,
БРИТАНСКИЙ ПОЭТ И ИСКУССТВОВЕД**

История должна освободить нас не только от чрезмерного влияния других эпох, но и от избыточного влияния нашего времени.

**ДЖОН ЭМЕРИХ ЭДВАРД ДАЛЬБЕРГ-АКТОН,
АНГЛИЙСКИЙ ИСТОРИК И ПОЛИТИК**

¹ Перевод В. Полева.

*Мы узнавали друг друга через запах, вкус, прикосновение.
Говорили о том, что не умели сказать словами².*
ЧАК ПАЛАНИК. СНАФФ

Кто владел запахами, тот владел сердцами.
ПАТРИК ЗЮСКИНД. ПАРФЮМЕР

² Перевод Т. Покидаевой.

Введение

Все запахи мира

Таппути. Звук разносится по темной пещере моего рта как далекое древнее эхо. Та-ппути! Подобным образом русский писатель Владимир Набоков призывал свою Лолиту: тремя слогами, двигая кончиком языка от края нёба до упора в верхние и нижние резцы. Так и я облакаю в плоть это имя с помощью мистической мантры. Я произношу заклинание. «Таппути! – звучит настойчивый призыв. – Таппути, Таппути! Таппути-Белатекаллим!» Я погружаюсь в гипнотический транс, и передо мной в хаотичном беспорядке возникают фрагменты истории древней женщины, одной из миллиардов *Homo sapiens*, которые рождались, дышали, мечтали, а потом умирали; той, погребенной под толщей песков времени, что сумела изменить материю и вследствие этого человеческое сознание.

Мы не знаем и никогда не узнаем, как она выглядела, чего боялась, к чему стремилась. Все немногие дошедшие до нас сведения об этой женщине почерпнуты из нескольких датированных примерно 1200 годом до н. э. клинописных древневавилонских табличек, которые хранят обрывочные, но яркие воспоминания. В эпоху, когда Ближний Восток был центром цивилизованного мира, Таппути занимала должность смотрительницы царского дворца. Это был очень важный пост. Около трех тысяч лет назад в тех землях, где сейчас находится современный Ирак, Таппути-Белатекаллим была очень влиятельной женщиной. Она занималась парфюмерным делом во времена, когда ароматные вещества применялись не только и не столько для удовлетворения тщеславия или для удовольствия, но и служили незаменимыми компонентами в медицинских практиках, политических церемониях и религиозных ритуалах, например для помазания изображений богов в святилищах на вершинах огромных зиккуратов – пирамидальных храмов. А еще – для сохранения тел усопших царей и благородных вельмож на протяжении тех бесконечных недель, когда было положено проводить долгие и сложные похоронные ритуалы.

Глиняные таблички сберегли до наших дней ее имя и одну из ее тайн. Таппути оставила в наследство грядущим поколениям рецепт ароматов собственного изобретения, результат многолетних опытов, успехов и неудач – и упорнейших трудов: как приготовить душистую мазь для царя Вавилонии на основе дистиллятов основных парфюмерных сокровищ империи – роз, масла, аира, кипариса и мирры. Таппути была не только первым парфюмером и химиком в истории человечества, Евой сегодняшней парфюмерной индустрии с миллиардными оборотами; она была настоящей повелительницей чувств.

Историки не только не сделали ничего, чтобы память человечества сохранила свидетельства о женщинах, подобных Таппути, но и, напротив, едва ли не намеренно уничтожали наши воспоминания о запахах: наше соприкосновение с бескрайней морской гладью, которую представляет собой прошлое, как писал об этом Алан Паульс, всегда было и продолжает оставаться лишенным ароматов. Мы читаем о прошлом, изучаем его (чтобы потом забыть), вспоминаем о нем, рисуем его в своем воображении, но никогда не вдыхаем те запахи, которые потерянный мир, преодолевая повсеместный коллективный Альтгеймер, настойчиво пытается донести до нас – как предупреждение не повторять ошибки тех поколений, что жили до нас.

Запахи замалчивают, их игнорируют. Иногда им выражают глубокое презрение или нестерпимо стыдятся их. Ароматы, благовония, благоухания, душистые вещества, вонь, смрад, душок, зловоние, миазмы, фимиам, испарения – есть еще много слов, входящих в общее понятие «запах»; все они складываются в целую тайную вселенную, скрытое измерение нашего мира, практически невидимое, – несмотря на то что с незапамятных времен наши предки, какую бы из религий они ни исповедовали, пытались вступить в контакт с высшими силами и

укротить гнев богов с помощью курения благовоний. Торговля ароматическими веществами приводила империи к расцвету или упадку. Их неустанный поиск вдохновлял на грандиозные одиссеи и открытие новых континентов и неизведанных миров. Задолго до появления интернета экзотические ароматы становились связующим звеном и амбассадорами очень далеких друг от друга культур. Обонятельные предрассудки оказывались способны стать причиной политических или культурных революций, дипломатических или национальных конфликтов, начала эпидемий. Густая и крепкая смесь неприятных ароматов меняла и портила облик городов, подобно тому как запахи тела выдают пищевые и гигиенические привычки его обладателя. В рамках той системы толерантности, которая соответствовала каждой конкретной эпохе, запахи в своеобразной манере сформировали коллективную чувствительность и воображение, неповторимую гипнотическую силу, способную возбуждать аппетит и плотские желания, возрождать забытые воспоминания и, что особенно важно, творить мифы и легенды.

Запахи живут уже миллиарды лет: еле приметные и невыносимые, индивидуальные и коллективные, изысканные и низменные. Они существовали задолго до нашего появления на Земле как биологического вида: немые свидетели, незримые бастионы великого космического повествования – ожидающие того, кто извлечет их из забвения и поведаст, наконец, их историю.

«Каждый день мы совершаем в среднем 23 040 вдохов и выдохов, перемещая около 12,5 кубического метра воздуха, – подсчитала поэтесса и публицист Диана Акерман³. – Вдох занимает примерно пять секунд: две секунды – на вдох и три – на выдох; за это время молекулы пахучего вещества проходят по дыхательным путям. Вдыхая и выдыхая, мы обоняем запахи. Запахи окутывают нас, витают вокруг, вторгаются в наши тела, исходят от нас». Так заведено испокон веков – независимо от времени или места, в котором каждого из нас, к счастью или к несчастью, угораздило родиться. Тем не менее, ослепленные множеством изображений, оглушенные тем потоком звуков, что каждый день выливается на нас, с мозолями на кончиках пальцев от постоянных прикосновений к сенсорным экранам – источникам наслаждения нашего времени, мы отвергаем шанс погрузиться в наше драгоценное бестелесное наследие – полифонию ароматов вчерашнего и сегодняшнего дня, формирующую нашу коллективную память, поколение за поколением. «Западная культура заложила основы дезодорированного общества», – подводит итог выдающийся французский историк Ален Корбен.

Строго говоря, независимо от того, являются ли ароматы для нас феноменом материальной культуры или частью механизма сложной системы ощущений, понять и прочувствовать, какими запахами был наполнен мир в каждую прошедшую эпоху, не означает банальным образом втянуть в себя воздух. Это не прихоть наших органов чувств, а способ более глубокого понимания истории, позволяющий нам вступить в более тесный эмоциональный и телесный, физический контакт с ее персонажами. Запахи служат окнами и мостами. Люди, прошедшие через нацистские лагеря смерти, не могут вспоминать их, не фокусируясь на царившем там смраде. «Самым худшим была эта ужасная вонь: как будто находишься на кухне “Макдоналдса”, – пишет британский историк Макс Хейстингс в своей книге “Армагеддон: битва за Германию, 1944–1945” (Armageddon. The Battle for Germany, 1944–1945). – Этот запах жареного мяса... Но это было не мясо, это были люди».

Как же воскресить ароматы прошлого, призраки на карте времени, если сама суть запаха заключается в его эфемерности, неуловимости и мимолетности? Ни приятные, ни зловонные запахи не превращаются в окаменелости. Их нельзя обнаружить, осуществляя археологические раскопки. Даже если бы чья-то феноменальная память была способна воссоздать определенный аромат во всех деталях, он бы испарился, облако его молекул рассеялось бы, разлетелось и подверглось полной переработке в атмосфере, окутывающей нашу планету плотным защит-

³ Перевод А. Гришина.

ным слоем. Тем существеннее оказывается работа – сходная с той, что выполняют детективы, – ученых, которых называют историками ощущений. Например, Алена Корбена, автора книги «Миазм и нарцисс: обоняние и общественное воображение в XVIII–XIX веках», и Жоржа Вигарелло, автора работы «Чистое и грязное: телесная гигиена со времен Средневековья», медицинского историка Джонатана Рейнарца, автора труда «Запахи прошлого: исторические перспективы обоняния», а также специалистов в области культурологии и социологии запахов Констанс Классен, Энтони Синнотта и Дэвида Хоувза. Именно эти ученые определили рамки этой книги и ее методологию: искусство следовать по тропе из хлебных крошек и вытягивать из ткани прошлого тонкие исторические ниточки в надежде на то, что они приведут к цели нашего поиска – невидимому полотну мимолетных ощущений.

Запахи сбивают с ног, они воздействуют на нас так, как мало что другое во вселенной. Какие-то ароматы ошеломляют, какие-то обозначают границы, меняют наше настроение, влияют на поведение, сигнализируют об опасности или служат символом статуса. Запахи способны телепортировать нас куда угодно. Это машина времени, ковер-самолет, способный перенести в самые заповедные места, в другое время и пространство, в тайные измерения, еще даже не нанесенные на карту нашей реальности. И хотя многим хотелось бы верить, будто запах – это нечто мимолетное, незначительное и бренное, на самом деле ароматы и их источники оставляют следы, непосредственные и менее явные: в индивидуальной и коллективной памяти, в рассказах, путевых заметках и личных дневниках, в кулинарных рецептах, историях болезни, эпидемиологических докладах, трудах по медицине; в граффити, иероглифических надписях и пиктограммах; в народных пословицах, в запечатанных бутылках, брошенных в море и затерявшихся на дне; в бюрократических документах и древних трактатах, таких как «История» Геродота, где автор описывает «божественный аромат земли Аравийской».

За каждым ароматом стоит своя история, зарождение мифа, повествование о поиске смысла. У любого запаха есть собственная тайная биография, каждый обонятельный сигнал рождается в ходе воистину эпической борьбы.

С каждым вдохом мы наполняем обонятельные органы таким множеством молекул, что его можно сравнить с количеством звезд в видимой нами галактике. При каждом вдохе стая молекул, обладающих достаточной летучестью, начинает свой длинный путь сквозь воздух, оканчивающийся в глубине носовой полости, где она оказывается захваченной обонятельными ресничками, по виду напоминающими волоски. Всякий ощущаемый нами запах следует по одному и тому же маршруту, независимо от того, является ли его источником кофе с тостами с маслом на завтрак, воскресное барбекю, свежескошенная трава, смрад экскрементов или резкий запах телесных выделений, заполняющий вагон поезда, что везет нас в офис. Когда мы вдыхаем облако молекул, каждая из которых обладает своей особой формой, оно без спроса проникает в наше тело и начинает стимулировать особые обонятельные рецепторы в носу, крошечные клетки, терпеливо ждущие, чтобы их активировали. Затем обонятельная клетка передает нервный импульс по нейронной сети мозга, эволюция которой продолжается уже сотни миллионов лет, и он устремляется в зону нашей центральной нервной системы, находящуюся в непосредственной близости от центра контроля эмоций и памяти, где и осуществляется его опознавание. Одновременно с активацией предупреждения об опасности – как элемента важнейшего для выживания механизма – происходит пробуждение целого ряда ассоциаций и воспоминаний, которые иногда взрываются, будто мины замедленного действия, погребенные под множеством слоев опыта, накопленного в течение десятилетий.

Согласно исследованию, проведенному в 2014 году Лесли Воссхолл, нейробиологом из Университета Рокфеллера в Нью-Йорке, человек может различать более триллиона различных запахов. Вы только вообразите! Сколько всего ароматов нам уже известно? А сколько еще предстоит открыть? Какие из них способны перенести нас в детство или оживить на несколько мгновений яркие воспоминания об ушедших родных и близких?

Ученые напоминают, что 99% биологических видов, когда-либо населявших Землю, уже не существуют. Примерно то же можно утверждать и о природных запахах. Их исчезновение должно вызывать такой же резонанс, как утрата языков или вымирание видов. Какие ароматы наполняли Землю 3,7 миллиарда лет назад, когда явление, которое мы называем жизнью, только зарождалось? Какие запахи мы навсегда потеряли? Мир ароматов до сих пор остается для нас терра инкогнита, полем для исследований, несмотря на свою имманентную эфемерность. Каждый раз, когда мы пытаемся нанести этот мир на карту, систематизировать и описать его, нам не хватает слов. Он не поддается описанию.

Жить – значит дышать, а дышать – значит нюхать. С первых мгновений нашей жизни, когда мы распознаем мать по ее запаху, и до самых последних, когда знакомый аромат может неожиданно вернуть нас в далекие времена, мы постоянно источаем и воспринимаем ароматы. Мы нюхаем других, а другие нюхают нас. Мы предоставляем информацию и обмениваемся ею. Каждый человек обладает абсолютно уникальным запахом, набором ароматов, который изменяется по мере того, как один этап жизни сменяется другим. Ароматы общаются с нами, передавая или утаивая какие-то данные. Молекулы, из которых они состоят, служат пропуском к другим мировоззрениям, открывают доступ к иным телам и культурам. Они соединяют нас с незнакомцами, с которыми мы, возможно, никогда и не заговорим – зато обмениваемся запахами. Вдыхая аромат людей, которые, как кометы, оставляют за собой след, пройдя мимо по тротуару, или случайно встречая кого-то в спортзале, мы особым образом знакомимся с их химией. Аромат позволяет нам заглянуть в их личный мир.

При этом мы не должны забывать, что запахи могут как соединять людей, так и разделять их или отдалять друг от друга. Интересно, как бы изменилось коллективное настороженное отношение к запаху – при том что в наше время слово «запах» ассоциируется скорее с «дурным запахом», – если бы молекулы ароматов от нашего тела, пищи, животных, одежды и других предметов вдруг стали видимыми, будто цветные облака, витающие вокруг нас? Возможно ли это в параллельной вселенной?

Впрочем, в нашей вселенной нам приходится жить среди ароматов, у каждого из которых есть две стороны медали: они привлекают или отталкивают, вызывают удовольствие или отвращение. Сама способность к обонянию также двояка. С одной стороны, речь идет о биологическом свойстве, эволюционный путь которого длится уже несколько миллионов лет. Отталкивающие запахи испорченных продуктов, разлагающейся плоти или экскрементов служат предупреждением об угрозе для организма. С другой стороны, интерпретация ароматов и соответствующая реакция – это культурное явление. С самого детства нам прививается социальный обонятельный «вкус», наша культура диктует нам, хорошо или дурно пахнет вокруг. И в этом смысле, что бы ни навязывала нам реклама, «хороших» и «плохих» запахов на самом деле не существует. Сам критерий оценки такого рода неприменим к молекулам. Любой аромат индивидуален и имеет социальную окраску. Собаки, к примеру, не считают ни один запах отталкивающим: они познают мир, где все запахи смешиваются друг с другом и вызывают интерес.

И раз так, то сама концепция запаха может претерпевать изменения и подвергнуться деконструкции – подобно многим идеям, насаждавшимся на протяжении столетий, например, таким, как якобы свойственные полу характеристики. Это происходит не впервые: никто уже не помнит об этом, однако в течение многих веков человечество верило, будто женщины обоняют вагиной и маткой. В связи с этим древние медики, например Гиппократ, советовали применять компрессы с ароматическими маслами для повышения фертильности.

Изучение истории ароматов позволяет по-новому взглянуть на современный мир – и, втянув носом его ароматы, освежить свои ощущения. Изучение запахов прошлого и настоящего – это изучение самих себя, размышление о том, кем мы являемся, кого любим, а кого презираем. Это позволяет разрушить идеализированные представления об истории, приблизить к себе тех, кого мы помним и кого давно забыли: ангелов без признаков пола и героев без

запаха. А если мы вспомним, что всего каких-то полтора века тому назад – до изобретения антиперспирантов, шампуней, зубной пасты, воздухоочистителей и аромадиффузоров – улицы городов нестерпимо воняли (по крайней мере, по нынешним стандартам) из-за людских толп и навозных куч, остающихся от тысяч лошадей, то совсем иначе оценим сегодняшний комфорт городской жизни.

Несмотря на вытеснение обоняния на задворки нашего сознания, большинство людей начинают свое утро с нанесения на подмышки микрочастичек алюминия – таковы уж требования современного общества, и мы воспринимаем эти требования как нечто само собой разумеющееся. Мы используем одни запахи, чтобы замаскировать другие, которые стремимся нейтрализовать и уничтожить. Но зачем? Как мы дошли до этого?

Запахи прошлого неизбежно связывают нас с будущим. С той же скоростью, с которой происходит таяние ледников и вечной мерзлоты, мы движемся к обществу, лишенному ароматов, в будущее, лишенное обонятельного восприятия. Это будет антиутопия для органов чувств – мир, захваченный искусственными ароматами, которые будут формировать наше представление о действительности и других людях.

«За самыми обыденными вещами скрывается великая тайна», – заметил однажды писатель Джеймс Баллард. То же можно сказать о запахах, которые не только заставляют нас трепетать от удовольствия или содрогаться от отвращения, но и становятся предметом дискуссий по феноменологии. В своем «Трактате о принципах человеческого знания» (1710) ирландский епископ и ученый Джордж Беркли впервые в письменном виде сформулировал известную философскую загадку «Слышен ли звук падающего дерева в лесу, если рядом никого нет?». Этот дзеновский вопрос применим и в отношении аромата: пахнет ли объект, если рядом нет никого, кто мог бы ощутить его запах? Для пуристов ответ однозначен: «Нет. Запах – явление восприятия, а не объект. Запах молекулы фенилэтилового спирта, который напоминает аромат роз, – это результат работы нашего мозга, а не характеристика самой молекулы». Однако в этом постулате есть уязвимое место. Он грешит чрезмерным антропоцентризмом: мы помещаем человека в центр вселенной – и игнорируем ту важнейшую роль, которую играют ароматы, будучи, например, средством общения между животными и растениями.

Мы не должны забывать, что живем в материальном мире, состоящем из химических соединений и молекул. Мире, о котором до сих пор знаем очень мало. Изучая ароматы, мы сможем немного приблизиться к пониманию мира – и одну за другой раскрыть его тайны. «Наши знания о древнем мире ширятся день ото дня, и все же эти знания о прошлом – лишь малая часть того, что нам хотелось бы знать. Впрочем, это не должно мешать нам задавать дерзкие вопросы», – писал историк Роберт Гарланд.

Именно этому посвящена наша книга: мы намерены подвергнуть сомнению существующие догмы и поспорить с тем, что считается неопровержимым, задавая неудобные вопросы, возникающие за счет безудержного воображения и любопытства. Как пахли динозавры? А древние египтяне? Кто выдвинул идею, что в аду царит нестерпимый смрад от серного огня? Какими ароматами был наполнен воздух на рынках в древних Афинах, в римских домах, где устраивались оргии, на узких улочках средневекового города, в коридорах Версальского дворца, на пирах Монтесумы, в здании Кабиљдо Буэнос-Айреса 15 мая 1810 года?⁴ В какой момент и почему, собственно, мы перестали выносить неприятные запахи тела или улиц, которые на протяжении многих столетий казались совершенно обыденными и привычными? Откуда взялась уверенность, будто бы заразные болезни распространяются вместе с ароматами? Как пахнет в открытом космосе и на Международной космической станции? Что

⁴ Кабиљдо – здание в центре Буэнос-Айреса, которое служило местом заседаний муниципального правительства во время колониального периода. Оно сыграло ключевую роль в Майской революции 1810 года, которая ознаменовала начало борьбы Аргентины за независимость. – *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

будет с запахами в будущем? Приведем здесь фразу популяризатора науки и великого математика польского происхождения Джейкоба Броновски из его книги «Восхождение человечества» (The Ascent of Man): «Задайте неуместный вопрос, и вы окажетесь на пути к уместному ответу».

«Одорама» – не учебник по физиологии и не путеводитель по миру ароматов. Эта книга – нечто большее: собрание удивительных историй – политических, экономических, культурных, эпидемиологических, медицинских, – которые оказываются связующими нитями между вчерашним, сегодняшним и завтрашним днем в контексте нашей обонятельной системы. Это не столько образец научной литературы, сколько «кабинет диковин», наполненный эмоциями рассказ о физиологических, чувственных и экзистенциальных связях со временем и пространством, с окружающим миром, населяющими его людьми и нашим «я».

С каждым вдохом вселенная впитывается в нас, а мы, в свою очередь, проникаем в просторы вселенной. Мы нераздельны. У этой связи нет границ. Наша кожа перестает быть границей, таможенным барьером нашего опыта. Каждый из нас рождается исследователем, стремящимся к открытию неизведанного. Так давайте же приблизимся к краю бездны. И вдохнем ее аромат.

I

Запахи вчера

Первые запахи От большого взрыва До появления огня

Но, когда от давнего прошлого ничего уже не осталось, после смерти живых существ, после разрушения вещей, одни только, более хрупкие, но более живучие, более неведущие, более стойкие, более верные, запахи и вкусы долго еще продолжают, словно души, напоминать о себе, ожидать, надеяться, продолжают, среди развалин всего прочего, нести, не изнемогая под его тяжестью, на своей едва осязаемой капельке, огромное здание воспоминания.

МАРСЕЛЬ ПРУСТ.

В СТОРОНУ СВАНА (1913)⁵

Примерно 13,75 миллиарда лет назад, может, чуть раньше или позже, родился запах. Он был еще незрелым, но весьма насыщенным: зачаток всех ароматов, которые затем когда-либо возникнут. Он явился на свет триумфально и яростно, но некому было засвидетельствовать его рождение, и лишь много веков спустя один из видов живых существ, извергнутых в той же комической вспышке, назовет это событие Большим взрывом.

Таков был первый запах: одиноко витающий среди бесконечного пространства в вихрях первоначального газопылевого облака. На протяжении тысячелетий в первозданной тишине запах распространялся без преград, завоеывая девственные территории, которых ранее просто не существовало. Захватывая все новые и новые пространства, единый запах разделился на два. Потом два запаха стали четырьмя. А затем восьмью. Так продолжалось, пока запахов не стало столько, что сосчитать их уже невозможно. Так было, когда зажглись первые звезды, пронзив ледящую тьму термоядерными реакциями водорода и множества субатомных частиц, на основе которых появились более тяжелые элементы, известные нам сегодня. Так было и когда в самые первые моменты жизни Вселенной гравитация притянула звезды друг к другу, выстраивая сложную космическую архитектуру из солнц, газа и пыли, создавая галактики наподобие Млечного Пути, намечая небесным телам тропы, по которым им отныне суждено было следовать среди бесконечной Вселенной.

Эпохи развития Вселенной последовательно сменяли друг друга многие миллионы лет. Периоды, когда рождалось новое, сменялись периодами разрушения, галактики сливались друг с другом или поглощались гравитационными монстрами – черными дырами. Наступило время для смерти и время для возрождения: новые звезды формировались среди ярких туманностей, используя в качестве строительного материала элементы, выброшенные из сердцевин великолепных умирающих сверхновых. «Мы – результат уникальной последовательности эволюционных событий, эволюции космоса, но осознаем это лишь изредка», – писал великий воспеватель космического пространства Карл Саган⁶.

⁵ Перевод А. Франковского.

⁶ Саган К. Наука в поисках Бога. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022.

В ходе этого процесса пять миллиардов лет назад родилось и наше Солнце. Густые газопылевые скопления веществ: водорода, гелия, углерода, азота, кислорода, железа, алюминия, золота, урана, серы, фосфора и кремния – соединились, подчиняясь силе гравитации. А затем из космического вихря сформировалась планетарная система, одна из планет которой называется Земля.

Биографы космоса ничего не пишут о запахах, а ведь они существовали в каждый момент истории Вселенной. Представлять себе ее историю без запахов – все равно что смотреть звуковое кино в беззвучном режиме. Ароматные молекулы, словно безбилетные пассажиры, пробрались сквозь космический вакуум к самым дальним уголкам, переносимые солнечным ветром или кометами, этим мусорщикам Вселенной, как их называл чешский писатель-фантаст Ярослав Калфарж, – неутомимым бродягам, толкающим свои тележки с межгалактическим хламом через века.

Один из многих эпизодов длинной истории запаха развернулся в сверкающей точке в самой глубине космоса, на нашей планете. Примерно 4,5 миллиарда лет назад, где-то в конце первой трети возраста нашей Вселенной, на Земле разверзся сущий ад. Наша планета представляла собой зловонный пылающий шар, расположенный в лучшем из возможных мест – не слишком далеко, не слишком близко от своего источника тепла и света, который постоянно подвергался жестоким и хаотичным бомбардировкам осколками Солнечной системы – астероидами и кометами. Земные вулканы в течение многих тысяч лет извергали из своих недр лаву и газы, пока не образовалась первая, примитивная зловонная атмосфера. Скопившиеся в ней химические элементы проливались на землю первыми ливнями. Бушевали грозы, мощнейшие ливни шли сотни лет, наполняя влагой первые океаны.

Когда мы представляем себе окружающую нашу планету газовую оболочку, благодаря которой мы дышим, мы всегда говорим о ней как о чем-то неизменном. Но ведь на протяжении истории Земли газовая оболочка претерпевала изменения и в каждый из периодов имела собственный химический состав. Путешествующим во времени стоит учитывать это обстоятельство. В своей книге «Микрокосмос: Четыре миллиарда лет эволюции от наших микробных предков» (*Microcosmos: Four Billion Years of Microbial Evolution*) авторы Линн Маргулис и Дорион Саган пишут, что зловоние и смрад на Земле стояли такие, что геологи называли высвобождение газов, происходившее в результате тектонических сдвигов земной коры, Великой отрыжкой. В этот период Земля вращалась вокруг своей оси с огромной скоростью, смена дня и ночи происходила каждые пять часов. А примерно 2,4 миллиарда лет назад Земля укуталась плотным метановым облаком, выжить в котором могли только настоящие хозяева планеты – микроорганизмы.

До сих пор никто точно не знает, каким образом и в каком месте на Земле зародилась жизнь, но ученые предполагают, что благодарить за это мы должны ее самых первых микробитателей, которые и осуществили поистине великие преобразования окружающего их мира. Первые живые организмы – скромные цианобактерии – не только изобрели самый эффективный способ преобразования энергии – фотосинтез, но и заселили все доступное пространство своими гигантскими колониями. Миллионы новых поколений бактерий полностью изменили планету: кислород в озерах, прудах, реках, морях и лужах производился в таком количестве, какого раньше на Земле никогда не было. Цианобактерии осуществили «кислородную революцию», запустив Великое окисление: благодаря их биологической активности уровень кислорода в океанах, а затем в атмосфере повысился настолько, что по прошествии многих лет это привело к эволюции новых, более сложных форм жизни.

Постепенно происходило становление животного царства.

Чем пахли динозавры

Начиная с первых простейших организмов, зарождавшихся и сражавшихся за выживание в глубинах древнего океана, и вплоть до появления гоминидов, например неандертальцев, которые красной охрой расписывали стены пещер на территории современной Испании, изобретая самое первое искусство, жизнь на Земле пробивала себе дорогу в окружении ароматов. Все живые организмы – от мельчайших растений и бактерий до деревьев и приматов – выделяют химические соединения. «Каждый раз, когда я оказываюсь в Патагонии, я закрываю глаза и переношусь в далекое прошлое», – утверждает палеонтолог Мария Алехандра Гандольфо. Аргентинская исследовательница в области палеоботаники работает в Корнеллском университете и благодаря своему умению читать летопись окаменелостей может совершить воображаемое путешествие на сто миллионов лет назад, когда сегодняшняя не имеющая конца и края безжизненная пустыня представляла собой влажный тропический лес, подобный экваториальной сельве на территории современного Эквадора, в местности, где много вулканов. Это был лес, где высота эвкалиптов, сосен, кипарисов, древовидных папоротников и араукарий достигала пятнадцати метров. Речь идет о периоде, когда полюса Земли были еще свободны от ледникового покрова. Андские Кордильеры пока не сформировались, и ничто не препятствовало дождевым облакам, идущим с Тихого океана, проливаться ливнями всюду – вплоть до Атлантики. Именно тогда началось внезапное распространение цветковых (покрытосеменных) растений, которые изменили вид и запах лесов Патагонии и всей планеты.

«Ароматные цветы привлекали к себе множество насекомых, которые становились их опылителями, – пишет М. А. Гандольфо. – Одна из величайших загадок науки о жизни заключается в вопросе, какое именно цветковое растение возникло первым. Возможно, мы никогда не найдем на него ответ». В 1859 году Чарльз Дарвин назвал быстрое возникновение цветковых (покрытосеменных) растений «ужасной загадкой», поскольку не смог обнаружить объяснения тому, как такое многообразие возникло за столь короткий срок. Это действительно была настоящая ароматическая революция, эволюционная бомба: всего за несколько миллионов лет цветковые стали самой разнообразной и успешно развивающейся группой среди растений. Из мест своего изначального обитания – влажных берегов пресных озер и заболоченных зон – они распространились по всему земному шару.

Произошло еще одно важное изменение: ароматы цветов компенсировали некоторые доминировавшие на тот момент на Земле запахи, например метеоризм животных. Около двухсот лет назад динозавров наконец перестали ассоциировать с библейскими чудовищами и драконами, и их образы в виде художественных изображений начали проникать в массовую культуру. В 1851 году Бенджамин Уотерхауз Хокинс явил миру тридцать три скульптуры динозавров, созданных им для Всемирной выставки в Лондоне и размещенных в садах Хрустального дворца. А год спустя Чарльз Диккенс начал свой роман «Холодный дом» такими словами: «Несносная ноябрьская погода. На улицах такая слякоть, словно воды потопа только что схлынули с лица земли, и, появившись на Холборн-Хилле мегалозавр длиной футов в сорок, плетущийся, как слоноподобная ящерица, никто бы не удивился»⁷.

На протяжении XX века такие художники палеоарта, как француз Эдуар Риу, американец Чарльз Роберт Найт, канадка Элай Киш, а также советские мастера Алексей Петрович Быстров и Константин Константинович Флеров сумели создать особые произведения искусства, в которых динозавры предстали как живые. Однако авторам казалось, что те были медлительными примитивными существами с механическими движениями, бездушными и кровожадными. Позднее новые научные открытия и вышедший в 1993 году фильм «Парк юрского пери-

⁷ Перевод М. Клягиной-Кондратьевой.

ода» (несмотря на все свои недостатки) привели к настоящему буму популярности динозавров и изменению их образа в общественном сознании. В парках аттракционов, фильмах, сериалах, торговых центрах, комиксах, детских программах и магазинах игрушек публика наблюдала за гигантскими существами, выглядящими крайне внушительно. Однако мы забываем одну вещь: динозавры источали запахи. Дыхание хищного динозавра, такого как карнотавр, могло бы быть смертельно опасным для человека из-за разложения большого количества мяса, которое застревало между его острыми зубами.

Другим огромным зловонным существом был патаготитан (*Patagotitan mayorum*), одно из крупнейших животных, когда-либо живших на Земле, останки которого были найдены палеонтологами в 2013 году в аргентинской провинции Чубут и датируются возрастом девяносто миллионов лет.

«Каждый день он производил целую гору экскрементов, – утверждает Хосе Луис Карбальдо, один из тех ученых, которые как раз и обнаружили ископаемые останки. – В наши дни мы обращаем внимание на то, сколько навоза продуцируют обычные травоядные, такие как коровы, а теперь представьте себе, сколько отходов было у этого титанозавра. Масса слона – 5 тонн, и он съедает 300 килограммов растительной пищи в день. Количество экскрементов животного, которое также питается растительной пищей и при этом весит 60 тонн, трудно даже вообразить себе».

Со временем многие из этих фекалий превратились в окаменелости, которые сейчас называются копролитами. Британский ученый Уильям Баклэнд впервые изучил и описал их в 1829 году. Это настоящий клад информации: такие капсулы времени позволяют специалистам узнать, чем питались динозавры, что за болезни их одолевали и какая их окружала растительность. В каком-то смысле каждый копролит – это фотографическое изображение древней экосистемы. «Копролиты – это продукты жизнедеятельности динозавров, которые в то время еще дышали и потели, – объясняет палеонтолог Адриан Хант. – Они могут раскрыть нам такие сведения о живых существах, которые мы никогда не сможем извлечь из окаменелых костей или зубов».

Горы экскрементов имели огромное значение для жизни растений. Навоз и сегодня служит фермерам удобрением для улучшения плодородия почвы; точно так же и миллионы тонн фекалий, ежедневно производившихся динозаврами, позволяли мировым лесам сохранять густую растительность.

После гибели динозавра его тело становилось местом пиршества множества бактерий, насекомых и падальщиков. Это был подлинный триумф запахов. Однако все эти колоссальные существа в один миг погибли в огненном апокалипсисе, вызванном падением гигантского метеорита. За то время, пока динозавры царствовали на нашей планете, – сто шестьдесят миллионов лет – они, эти причудливые существа, вдыхали ароматы, о которых мы не имеем абсолютно никакой информации. Является ли это для нас благом или трагедией, мы никогда не узнаем.

Запах далеких предков

«Мы, человечество, похожи на новорожденного ребенка, которого подбросили к двери, не оставив записки, кто он, откуда взялся и какой наследственный груз свойств и недостатков может нести», – писали Карл Саган и Энн Дрюян в 1992 году⁸. С тех пор как динозавры исчезли с лица Земли, прошло много времени, и теперь они сохранились лишь в далеких воспоминаниях после продолжительного периода, когда казалось, что все успокоилось, континенты более или менее сформировались, млекопитающие распространились по всей планете, а ледниковые периоды несколько раз чередовались с потеплениями. И вот однажды в восточной части Африки у одного из не слишком перспективных видов приматов появились начатки сознательного мышления. Как пишет в своих работах Кеннет Лаковара, эти приматы не отличались ни быстротой, ни силой. Они не появились из ниоткуда, а были обычным звеном длинной эволюционной цепочки, представляющей собой историю развития жизни на Земле. Шаг за шагом первые гоминиды приспосабливались к своей среде, что было необходимым условием для выживания.

«Первые представители рода *Homo* отрастили себе большие носы, чтобы лучше переносить перемещения на большие расстояния в условиях жаркого и сухого климата и не страдать от обезвоживания», – писал палеоантрополог Дэниел Либерман в своей книге «История человеческого тела» (The Story of the Human Body).

Примерно четыреста миллионов лет назад наши забытые предки, жившие в океане, уже пользовались обонятельными органами, чтобы определять в воде запахи, искать пищу и обнаруживать врагов. «Обоняние было нашим первым чувством. Оно оказалось настолько эффективным, что со временем небольшой бугорок на обонятельной ткани, расположенный над нервным сухожилием, превратился в мозг. Полушария нашего мозга изначально были лепестками обонятельного стебля. Мы мыслим, потому что мы чувствуем запахи», – утверждал Лайелл Уотсон, южноафриканский антрополог, скончавшийся в 2008 году.

Науке до сих пор неизвестно, является ли у человека функциональным так называемый орган Якобсона, представляющий собой орган обоняния в форме полумесяца, расположенный у основания носовой полости рядом с обонятельными мембранами, – или это рудиментарное образование, которое утратило свою функцию в ходе эволюции, подобно дарвинову бугорку, ушным мышцам, зубам мудрости, аппендиксу или копчику. Известный также под названием «вомероназальный орган», он является вспомогательным отделом обонятельной системы у собак, лошадей, медведей, жирафов, саламандр, слонов, кошек и змей и реагирует на феромоны, химические вещества, обеспечивающие коммуникацию между особями одного вида. Орган был впервые обнаружен голландским анатомом Фредериком Рюйшем в 1732 году, а в 1813 году описан датским хирургом Людвигом Якобсоном, однако мы по-прежнему не можем сказать, существуют ли нейронные связи между этим органом и мозгом человека.

На выживание первых гоминидов в огромной степени влияли их обонятельные способности. «Обоняние – это орган чувств, который позволяет растянуть время и предугадать, что впереди», – писал Уотсон. Способность человека воспринимать запахи значительно ослабла в процессе эволюции, когда гоминиды стали прямоходящими, – в отличие от аналогичного качества у больших кошек, таких как львы, тигры и леопарды, способных с потрясающей точностью выделять каждый конкретный запах среди множества других. Наши предки пользовались этой способностью для поиска пищи, социальных контактов, усиления сплоченности внутри группы, размножения, а также для того, чтобы выйти за пределы своей африканской колыбели и исследовать новые территории для жизни по всему земному шару.

⁸ «Тени забытых предков: В поисках того, кто мы есть» (Shadows of Forgotten Ancestors: A Search for Who We Are).

Предпочтения соплеменников в выборе партнеров и климатические условия каждого региона повлияли на форму носов наших предков: в холодном и сухом климате они стали узкими и заостренными, а в жарком приобрели широкую и уплощенную форму. Однако задачами носа любого вида по-прежнему остались подготовка воздуха, который поступит в легкие, и сбор огромного количества информации посредством распознавания запахов. Наши исчезнувшие двоюродные братья неандертальцы, расселившиеся по Европе и Ближнему Востоку около двухсот тысяч лет назад, обладали массивным телосложением, крупным объемом мозга и выступающими лбами. У них были сильно выдающиеся носы с крупными ноздрями, благодаря которым было легче нагревать и увлажнять холодный и сухой воздух во время ледникового периода. Недавние исследования черепов неандертальцев выявили, что объем носового прохода у них был на 29% больше, чем у современных людей, благодаря чему они могли прогонять через нос гораздо больший объем воздуха, нежели *Homo sapiens*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.